

легенд о „гонимых святынях“,¹ но придал этому сюжету новый политический смысл. Белый клобук в Повести не просто „гонимая святыня“, а эмблема высшей духовной власти, переходящая сначала из Рима в Византию, а потом — из Византии на Русь. Оба этапа его миграции обоснованы в Повести конкретными историческими событиями: первый — отпадением римской церкви от „истинного православия“ из-за аполинаризма, второй — захватом турками Константинополя. Факт прибытия клобука в Новгород осмыслен автором Повести как событие мирового исторического значения. Вместе с ним переходит на Русь не только духовное, но и политическое наследство „двух Римов“. В финале третьей части Повести, являющемся, как было уже отмечено, и композиционно и по содержанию кульминационным пунктом всего произведения, автор восторженно, в самых патетических выражениях, говорит о величии и светлом будущем Русской земли, когда „все царства придут в конец и сникнут во едино царство Русское“, когда „даря русскому возвеличит господь над многими языки и под властью его многие царие будут от иноязычных“. „И страна та, — заключает автор Повести свой панегирик Русской земле, — наречется светлая Русия, богу тако изволившу тацеми благодарении прославити русскую землю и честнейшу сотворити паче первых сих“ (т. е. Рима и Византии).

Этот общерусский патриотизм, выразившийся в Повести о белом клобуке, не совместим с традиционной оценкой этого произведения как децентралистического и антимосковского.

Что же, однако, дало повод к этой традиционной оценке?

Прежде всего свойственное дореволюционным ученым преувеличение областнических тенденций памятников литературы феодальных центров древней Руси. Игнорируя наличие классовых противоречий в областных центрах, эти ученые даже не допускали возможности появления в памятнике областной литературы, тем более Новгородской, общерусских объединительных тенденций. И как Соболевский² и другие ученые во что бы то ни стало старались отыскать и преувеличить значение иноземных источников Повести, так Костомаров, Буслаев, Пыпин и за ними многие другие исследователи старались увидеть в этом произведении прежде всего областнические тенденции, игнорируя подчас не только содержание самой Повести, но и исторические факты.

Чтобы не быть голословными, приведем примеры.

В комментарии к изданию Повести Н. И. Костомаров уверяет, что целью этого произведения является „найти историческое оправдание домогательствам на независимость от митрополита“,³ т. е. стремление

¹ Сюжет миграции святыни очень рано появился в новгородской литературе. И это не случайно: многочисленные путешествия новгородцев в чужие края по торговым делам обусловили появление в новгородской литературе большого количества описаний путешествий — одного из самых древних жанров русской литературы. Еще в XII веке в одном из таких описаний путешествия можно усмотреть зарождение сюжета миграции святыни: новгородец Добрыня Ядрейкович привез с собой в Новгород из Палестины „гроб господень“. В дальнейшем в Новгороде возник ряд легенд о „гонимых святынях“, прибывающих на Русь из-за преследований либо „латин“ (легенда об Антонии Римлянине), либо „агарян“ (легенда о Тихвинской иконе божьей матери).

² В рецензии на книгу В. Н. Малинина „Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания“ (ЖМНП, № 12, 1901, стр. 487) А. И. Соболевский утверждает, что в основе Повести лежит рассказ „какого-то римлянина“ о пропавшей в 1485 г. папской тиаре. „Лет через сто, — пишет Соболевский, — этот текст был заменен другим, русского сочинения“, — так легко решает этот автор вопрос о происхождении Повести о белом клобуке.

³ Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 301.